

на противотворческомъ понятіи рома, христіанско - европейская на сверхкультурныхъ цѣлностяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ сама культура середина: ни горяча, ни холодна. Зданіе русской культуры въ части христіанской было построено изъ неостывшей лавы и должно было рухнуть отъ перваго землетрясенія. Зато пламя въ ней пылало и такой жаръ исходилъ изъ ея нѣдръ, что онъ могъ согрѣть и оживить весь христіанскій міръ, заново разжечь его потухающую сердцевику. Въ миновшемъ вѣкѣ вулканическое начало нашей культуры всего полнѣе было олицетворено Достоевскимъ, а духъ зодчества, осуществленія, формы Пушкинымъ; однако и Пушкинъ въ ту болдинскую осень заглянулъ на самое дно русской души, и Достоевскій,

черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, пророка о Пушкинѣ, могъ описать на зданіи русской культуры, хоть и говорилъ отъ имени ея скрытаго, подземнаго или небеснаго огня. Для насъ теперь, да и не только для насъ, все это слилось въ одно. Не многого стоило бы зданіе, если бы не было въ немъ огненной глубины, и хотъ рухнуло оно именно потому, что не могло вынести внутреннего жара, все-таки все, что міру дала Россія, изъ этого сердца родилось и на себѣ несетъ его жгучую печать. А если подъ камнями и щебнемъ тлѣетъ былой огонь, если когда нибудь разгорится онъ новымъ пожаромъ, тогда возстанетъ и Россія и снова понесетъ міру обрвавшуюся на полусловѣ благу вѣсть.

В. Вейдм.

По поводу „Дневниковъ“ Б. Поплавскаго

Трагически погибшіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ Б. Поплавскій, человѣкъ очень одаренный, оставилъ послѣ себя дневники, выборки изъ которыхъ сейчасъ изданы. Это книга очень значительная и надъ ней стоитъ задуматься. Печальная, мучительная книга. Документъ современной души, русской молодой души въ эмиграціи. Я не сомнѣваюсь въ надрынной искренности Б. Поплавскаго. Но «дневникъ» поражаетъ отсутствіемъ простоты и прямоты. Нѣтъ ни одного прямого, не изломаннаго движенія. Все время играетъ роль. Поплавскій эпитонъ русскихъ теченій начала XX-го вѣка, чело-двоющихся мыслей, какъ и люди того времени, но поставленный въ исключительно трагическое поло-

женіе, выброшенный въ страшный и чуждый міръ. Онъ невѣрно опредѣляетъ свое отлѣченіе отъ стараго «декаденства». «Мы радостные, умираемъ, радуясь, благословляя, улыбаясь». Слова эти противорѣчатъ всему дневнику. Б. Поплавскій прибавляетъ: «въ гибели видя высшую удачу, высшее спасеніе». Это главный мотивъ дневника. Соблазнъ гибели. Притяженіе и соблазнъ смерти. Сгорѣть и исчезнуть. «Нашъ лозунгъ — погибаніе». Но это и есть упадочничество. Притяженіе музыки и защита отъ музыки. Музыка одна изъ основныхъ темъ дневника. «Только все умирающее поетъ въ духѣ». «Притяженіе музыки есть притяженіе смерти». «Не жажду ни я отдыха небытія?» Ничто не ра-

дуетъ. «Сонъ и безсознательность единственное утѣшеніе. Отчаяніе и безисходность». Мука міра глубока. Міръ сотканъ изъ безпричинной тоски грѣха. Все вокругъ пышное ничто. Б. Поппавскій собралъ свою жизнь въ «вязанку змѣй». Онъ, какъ и герой его романа, «вынырнулъ изъ романа Достоевскаго». Его преслѣдуетъ «холодный призракъ господина Никто». Дневникъ полонъ мѣсть, свидѣтельствующихъ о глубокомъ несчастіи и страданіи автора, о погибшей жизни, о наступленіи желанной гибели. Очень сложна проблема искренности, какъ и проблема гибели. Есть очень сложная діалектика искренности и лжи, въ которой все легко переходитъ въ свое противоположное. Есть искренняя лживость и лживая искренность. Это опредѣляется очень сложными отношеніями сознательнаго и безсознательнаго въ человѣкѣ и включеніями сознанія, которымъ подверженъ человѣкъ, не «хитростью разума», о которомъ говоритъ Гегель, а хитростью безсознательнаго. У А. Жида проблема искренности центральна въ его творчествѣ. Изъ любви къ искренности онъ часто говоритъ о себѣ въ «*Si le grain ne meurt*» гадкія и уродливыя вещи, часто совѣтъ ненужныя. Но нужно критически относиться къ его несомнѣнной искренности. Человѣкъ можетъ позировать необработанной матеріей, сырьемъ своей душевной жизни и можетъ позировать формой, которую онъ этой матеріи придастъ. Поэтому подозрительна литературная форма «исповѣди», «дневника», «автобіографіи». «Дневникъ» Поппавскаго искренняя книга, несмотря на отсутствіе простоты и прямоты, несмотря на то что многое онъ говоритъ «на-

рочно», чтобы поразить, несмотря на выдуманность мнѣного и завинченность. Искренность современной души совѣтъ особенная, она осуществляется въ процессахъ дезинтеграціи личности. Есть двѣ искренности. Одна выражаетъ цѣлостность личности. Не случайно по французски *intégrer* значить честный. Искренность, выражающая цѣлостность личности, есть правдивость. Но есть другая искренность, искренность, выражающая раздвоеніе и раздробленіе личности. Эта искренность, частно свойственная современной душѣ, можетъ производить впечатлѣніе лживости, но это искренняя, правдивая лживость. Двоищяся мысли могутъ казаться неискренними и неправдивыми. Но въ нихъ можетъ быть своя другая искренность и правдивость. «Дневникъ» Б. Поппавскаго принадлежитъ ко второму типу.

У Б. Поппавскаго есть *ressentiment*, обида на жизнь, которую онъ хочетъ прикрыть, но которая прорывается. Когда онъ называетъ себя «парижскимъ Дюинсомъ въ рваныхъ штанахъ», когда онъ говоритъ, что въ старомъ, рваномъ пиджакѣ нужно принимать лѣчность, когда выражаетъ сомнѣніе въ своемъ писаніи, то чувствуется обида на неудачу жизни. «Я попрежнему киллю подъ страшнымъ давленіемъ безъ темы, безъ аудиторіи, безъ жены, безъ страны, безъ друзей. И снова жизнь моя собирается куда-то въ дорогу». Онъ хочетъ себя увѣрить, что у него сознательная, желанная гяжестъ жизни и утѣшаетъ себя этимъ. Выбѣтъ съ тѣмъ онъ чувствуетъ, что оставленъ въ сторонѣ. «Кто же я подлинный?», восклицаетъ онъ. Это есть вопросъ о томъ, гдѣ же неизмѣнное ядро

личности за постоянными изменениями. Самый важный вопрос для каждого человека. Он чувствует в себе борьбу жалости и строгости, любви к жизни и любви к смерти. Герой его романа Олег, т. е. в сущности сам Поплавский, спрашивает: «Выдержал бы ты нику суд, основанную на знаменитости, счастье, деньгах, власти?» Может быть удача хуже и тяжелее неудачи. Поплавский причисляет себя к живо замурованным. Он переживает двойную трагедию, трагедию внутреннюю, независимую от времени, и трагедию внешнюю, связанную с временем, с несчастной жизнью в эмиграции, в отрыве от питательной почвы, в нужде и пр. Он не всегда рвался сознаться в истинном положении. И он компенсирует себя ложным возвышением своей униженности, покинутости, своего несчастья и неудачи.

Тема «Дневника» Б. Поплавского религиозная. В нем было подлинное религиозное безпокойство и искание, была драма с Богом. Но он не столько имел религиозный опыт, сколько делал религиозные опыты, производил эксперименты. Хотя он иногда говорит о своей силе, о силе против природы, о своей аскезе, но главная его беда в безволии. Его опыты аскезы безвольны. Он прикрывает для самого себя свое безволие максимализмом. Максимализм может быть уклоном от акта, от выбора и от ответственности. Б. Поплавский находится во власти вне его находящаяся сила, во власти рока. Вся его жизнь стоит под знаком рока, а не свободы. Он любить говорить о своих экспе-

риментах аскезы, которые сопоставимы с развитием мускулов при помощи гирь... Но в сущности он соблазнен пассивностью и весь путь его есть путь пассивности. «Твоя воля направлена на то, чтобы достигнуть абсолютной пассивности», говорит он. «*Oui Dieu, ou rien*». Б. Поплавский соблазнен традиционными формами аскезы и мистики, которые играли огромную роль в христианстве, но ближе к нео-платонизму, стоицизму и буддизму и имеют не евангельские источники. Современная душа, мало похожая на душу древних аскетов и мистиков, с трудом могла все это переварить. Б. Поплавский, который был настоящим страдальцем, в значительной степени есть жертва стремления к святости, к ложно понятой максималистской святости. Святость для него была прежде всего необыкновенностью. Она должна была увести его от реальности, с которой он никак не мог привести себя в соответствие. И Б. Поплавский надрывается в этом стремлении к испытанию святости. И потому он часто говорит о скуке святости, он испытывает постоянное разочарование. Он хотел бы достигнуть экстаза. Не достигая экстаза, он бьжит от Бога и потому опять возвращается к Богу. Он думает о монастыре и отшельничестве и знает, что никогда не пойдет этим путем. Он говорит о безблагодатной жизни вврующего, о скуке дней святости. Он вне обыденной жизни, вне земли с ее тяжкими обязанностями и в сущности вне духа, он остается как бы в промежуточной астральной сфере. Попадая на небеса, он хочет ядомой с небес» (название романа), в при-

вичный круг друзей. Это у него описано съ большимъ талантомъ. У него была непреодолимая трудность приспособленія къ реальности. Я употребляю сейчасъ слово «приспособленіе» не въ дурномъ смыслѣ. Б. Поплавскому дѣлаетъ честь, что онъ не былъ способенъ къ подобному приспособленію. Я имѣю въ виду активную реакцію на реальность, безъ которой невозможна борьба, невозможенъ по настоящему актъ. Тотъ, кто лишень зоркости въ отношеніи къ реальности или смѣшиваетъ ее съ астральными снами, тотъ не способенъ къ акту.

Б. Поплавскаго преслѣдуетъ чувство безблагодатности и грѣха. И его мучитъ, что духовныя усилія, которыя онъ дѣлаетъ, не помогаютъ. Онъ пытается молиться и въ молитвѣ найти спасеніе. Эти усилія моленія трогательны. Думаютъ, что онъ спитъ, а онъ молится. Нѣкоторые, прочитавшіе «Дневникъ», передали мнѣ свое впечатлѣніе, что это выдумка, что никакого молитвеннаго опыта не было. Я хочу вѣрить, что былъ такой опытъ. Впечатлѣніе полной искренности производятъ слова о «молитвѣ впустую». Поплавскій чувствуетъ между собой и Богомъ тьму. «Буду молиться, восклицаетъ онъ, можетъ быть пройдетъ злая дрожь отчаянія». И вотъ впечатлѣніе отъ молитвы: «темныя, долги, упорныя молитвы безъ толку, однообразная жвачка, упрекъ Богу, обиды на Него». Вѣроятно эти безконечно печальныя слова могли бы произнести многіе люди нашей покинутой Богомъ эпохи. У Б. Поплавскаго своеобразное чувство Бога и Иисуса Христа. Онъ ищетъ Иисуса униженнаго, слабого, обливающегося слезами. Ему близко лишь униженіе Христа, Его ке-

лотическій образъ. И совершенно чуждъ царственный образъ Христа. «Я жажду Бога лишь когда я очень несчастенъ и потому такъ цѣню несчастье». Онъ записитъ въ дневникъ: «Богъ кажется мнѣ неудачникомъ, мучимымъ своей любовью». Это очень напоминаетъ Л. Блуа, который опредѣлялъ Бога, какъ «одинокаго и непонятаго страдальца». Напоминаетъ и Марселя Жуандо, самаго мистическаго и метафизическаго писателя современной Франціи, для котораго Богъ самъ мучится въ аду, такъ какъ не можетъ вывести адскихъ мученій человѣка, своего любимца. Этотъ мотивъ я считаю очень глубокимъ. Думаю даже, что это единственная возможная теодицея. Въ другомъ мѣстѣ Поплавскій говоритъ: «какъ поучительно иногда упасть... А то получается какая легкая и не интересная вещь святость». Это напоминаетъ Лютера, который такъ напугалъ католическихъ теологовъ словами: «грѣши, грѣши, чтобы низошла на тебя благодать». Но нельзя все-таки нарочно падать, чтобы святость была болѣе интересной. Поплавскій не сомнѣвается въ существованіи Бога, но сомнѣвается въ моральномъ характерѣ Его любви. Онъ говоритъ, что Богъ бонется и любить его героя Олега. Богъ есть счастье святыхъ и гениальность адскихъ мукъ грѣшника. Его мучитъ, что за уничтоженіемъ пороковъ такъ мало у насъ останется въ жизни. У него есть сила для зла и слабость для добра. Ошибка Поплавскаго была въ томъ, что онъ повидному признавалъ своей особенностью то, что свойственно очень многимъ людямъ, почти всѣмъ людямъ, у которыхъ есть боренія духа, которые идутъ духовнымъ путемъ. Онъ увлекается

также оккультизмом, читает оккультическія книги. Онъ борется за жизнь среди астральныхъ сновъ, говорить о великомъ собраніи астральныхъ друзей. Онъ пытается медитировать и говорить, что раздвигая грубымъ и простымъ мужествомъ медитации. Его аскеза есть надрывъ, она ему не помогаетъ. Онъ тѣтно хочетъ быть суровымъ и холоднымъ. Онъ сознаетъ, что грѣхъ аскезы изолируетъ отъ другихъ жизней. Любопытно къ скандалу, которая была не только у его героя, но и у него самого, есть надежда пережить экстазъ, освобожденіе отъ всего и всѣхъ. Менѣе всего онъ умѣлъ работать. Онъ хотѣлъ жизни по благодати, жизни экстатической. И онъ чувствуетъ безблагодатную, почти демоническую безрелигиозность. Онъ одинокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ тѣснотѣ группы друзей, почитающей себя элитой. Онъ остро пережилъ всѣ несчастія эмиграціи, выброшенности и покинутости... Онъ очень русский и въ немъ есть что-то интернациональное. Вѣчная тема опрочинута у него въ мучительность сегодняшняго дня. Умственные интересы Поплавскаго были повидимому очень разнообразны, онъ не только поэтъ и романистъ, онъ интересуется философией, богословіемъ, мистикой, оккультизмомъ. Я не берусь судить о немъ, какъ о художникѣ. Повидимому у него было значительное дарованіе. Стихи его мучительны и унылы. Но это не моя тема. Меня сейчасъ интересуютъ Поплавскій, какъ духовное явленіе, какъ крикъ души погибающей и спасающейся.

Главный дефектъ мироощущенія и міросозерцанія Б. Поплавскаго я вижу въ его имперсонализмѣ. Очень характерны въ этомъ от-

ношеніи слова изъ отрывка его романа: «Нѣтъ души, нѣтъ личности, нѣтъ я, нѣтъ моего, а только отъ неба до земли огненный водопадъ быванія, становленія, исчезновенія». Съ этимъ связана крайняя измѣчивость, которая приходится на грани измѣны самому себѣ. Происходитъ дезинтеграція личности въ «огненный водопадъ мірового быванія». У Б. Поплавскаго есть нѣкоторое сходство съ Андреемъ Бѣлымъ, отъ котораго всегда можно было ждать измѣны, у котораго была яркая индивидуальность съ проблесками гениальности, но не было личности. Кризисъ современной души есть прежде всего кризисъ личности. Онъ давно начался. Наша эпоха болѣе всего нуждается въ борьбѣ за личность. Къ «Дневнику» Поплавскаго приложена философская статья «О субстанциональности личности». Статья эта имѣетъ больше формальные недостатки, въ ней нѣтъ конструкціи, это не написанная статья. Но она свидѣтельствуетъ о философской одаренности Поплавскаго, въ ней есть тонкія мысли. Онъ прекрасно понимаетъ, что въ германскомъ идеализмѣ нѣтъ личности, а есть лишь Абсолютное, личность лишь функція Абсолютнаго, цѣлое поглощаетъ части. Съ этимъ связано и отношеніе Поплавскаго къ музыкѣ, которой онъ больше всего интересуется въ этой статьѣ. Музыка есть вообще центральная тема Поплавскаго. Музыка для него о цѣломъ, о панѣ, личность исчезаетъ въ стихіи музыки. Это очень спорно. Въ отношеніи Поплавскаго къ музыкѣ отразилась его потеря личности. Тоже въ отношеніи его къ мистикѣ. «Нѣтъ ни неба, ни земли, а есть великая нищета, полная тишина абсолют-

кой ночи». Поплавскій сравниваетъ это состояніе съ пшій mystique у Св. Іоанна Креста, одного изъ величайшихъ христiанскихъ мистиковъ. Это кевѣрно. Мистическая ночь у Св. Іоанна Креста была путемъ самоосвобожденія духа, освобожденія отъ власти міра чувственнаго и міра разума, но въ ней нѣтъ смѣшенія всего со всѣмъ, нѣтъ смѣшенія верхней бездны съ нижней бездною. Б. Поплавскій не выходитъ изъ астраль-

наго плана и планъ духовный у него всегда смѣшивается съ астральнымъ. Великое его несчастье я вижу въ томъ, что онъ искалъ не столько истины, въ которой есть отчетливое различеніе, сколько необыкновеннаго, въ которомъ остается смѣшеніе и значитъ безличность. Но книга его очень замѣчательна и очень поучительна. Это книга не о духовной жизни, а о психологiи духовной жизни.

Николай Бердяевъ.

О Мусоргскомъ

Понемногу и поочереды проходятъ черезъ свое столѣтіе всѣ великіе русскіе композиторы — можно сказать, что въ наши дни вся русская музыка празднуетъ свое столѣтіе. И дѣйствительно, вѣдь есознательная русская музыка, подлинно творческая, родилась въ 1836 году, вмѣстѣ съ «Жизнью за Царя», и около этого же срока родились на свѣтъ, дѣйствительно какой-то «кучкой», всѣ остальные наши великіе композиторы, словно нѣкая гниегвенная утробная сила изнерила внезапно изъ русскаго духа его музыкальную сущность. На проясненіи какихъ нибудь восьми лѣтъ появились на свѣтъ — Бородинъ, Балакиревъ, Мусоргскій, Кюи, Римскій - Корсаковъ, Чайковскій. Выпустивъ ихъ въ жизнь почти одновременно и поручивъ имъ задание — создать русскую музыкальную романтику, судьба отпустила имъ жизни въ количествѣ строго обратно пропорціональномъ ихъ гениальности (Мусоргскій умеръ 42 лѣтъ, Чайковскій и Бородинъ — 53, Римскій — 64, Балакиревъ — 78, Кюи — 84).

Языкъ этихъ странныхъ цифровыхъ совпаденій краснорѣчивъ и гниегвененъ. А вообще эта цифровая дата — сто лѣтъ — наводитъ невольны на мысль объ ужасающей юности нашей музыки. Никакихъ историческихъ далей, все какъ то уютно и по домашнему — на моей памяти, памяти еще нестараго человѣка, была сестра основателя русской музыки Глинки (Шестакова), и благополучно здравствовали большая часть остальныхъ великихъ композиторовъ, включительно съ оснопателемъ русскаго музыкальнаго просвѣщенія, Антономъ Рубинштейномъ. А если кто къ тому времени и померъ, то остальные, присутствовавшіе, его великолѣпно помнили и звали. Не было чувства исторіи, того роковаго историческаго «судаленія», которое окрашиваетъ въ мнѣческіе и дегендарные тоны жизнь художника и придаетъ ему вѣщія черты. И на моей памяти Мусоргскій былъ не только не вѣщимъ и не мнѣческимъ, но былъ просто предметомъ насмѣшекъ и отношеній скорѣе ироническаго и недоумѣннаго